UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322727 9

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie
stikhov

PG
3453
B2
1914a
t.10

POLNOE SOBRANIE
STIKHOV
Vol. 10

K. Bal'mont

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

т. 10

Томъ Десятый

Хороводъ Временъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ" 1909

Рене Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Рене Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, П. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова, Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Редона, Н. Рериха, Т. ванъ Рисельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ", нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія —40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)— 27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена, и 2-й части „Cor Ardens" Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ": **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ" **Петербургъ, Садовая, 18.**

К. Д. Бальмонтъ.

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. № 5.
1909.

Хороводъ Временъ

ВСЕГЛАСНОСТЬ

1908.—Май.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Посвящаю эти строки матери моей
Вѣрѣ Николаевнѣ Лебедевой-Бальмонтъ,
Чей предокъ былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.

1.

Конь къ коню. Гремитъ копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
Въ летѣ коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заклютъ.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ снѣговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно здѣсь,
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, что то тамъ, что вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтятъ по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего же и данъ намъ размахъ крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздухъ отъ свиста крылъ
Былъ видѣньемъ крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
Пролетимъ, онъ блеснетъ свѣтлѣй.
И на миѓъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
Станетъ ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
Нашъ полетъ Золотой Орды.
И какъ будто за нами бѣжитъ бурунъ,
Гулъ серебряно-звонкихъ струнъ.

Отъ червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цвѣты всегда,
Золотая живетъ Орда.

4.

Конь и птица—неразрывны,
Конь и птица—быстрый бѣгъ.
Какъ вдали костры призывны!
Поспѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
Приготовлена ѣда.
Въ быстромъ бѣгѣ измѣненій
Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
Въ ожиданіи нѣмомъ.
Безъ вѣщательной угрозы,
Что̀ намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни ночи въ ночь и прянутъ,
А костры оставятъ намъ.
Если жь биться съ нами станутъ,
Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солнца, мы приходимъ,
Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
Быстрый счетъ мы съ міромъ сводимъ,
Вводимъ волю въ произволъ.

Тамъ гдѣ были раздѣленья
Заблудившихся племенъ,
Входимъ мы какъ цѣльность пѣнья,
Какъ одинъ прибойный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвѣстно.
Тотъ, кто выслалъ саранчу,
И велѣлъ дома, гдѣ тѣсно,
Поджигать своимъ „Хочу“.

Что ведетъ насъ? Воля кары,
Измѣненье вещества.
Паряжаяся въ пожары,
Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ,
Чтобы каркать для людей.
А свободнѣе, а выше—
Стая бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужь такъ темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ея, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонъ, раскинулись узоромъ круговымъ,
Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горитъ.
Говоритъ душѣ. А что же говоритъ?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
Мнѣ ужь мало убѣгапій безъ границъ.

Мнѣ ужь мало взять костры, разбить обозъ,
Мнѣ ужь скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Мнѣ ужь хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ,
И покоя въ лебединно-тихій часъ.

Гдѣ-жь найду ихъ? Гдѣ, желанная, она?
Ночь безлунная темна, ужь какъ темна.

Гдѣ же? Гдѣ же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтятъ звѣзды, не просвѣтятъ въ мірѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою череда.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

— Гдѣ же ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть безъ отдыха—быть нищимъ.
Что́ мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или—
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хочетъ лилій,
Коршунъ хочетъ мертвыхъ тѣлъ.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, коль замеръ смѣхъ.

— Гей, зачахнешь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стонѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другимъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись стаи въ утрѣ синемъ.
Въ Небѣ синемъ—звонъ кадилъ.

7.

— Полоняночка, не плачь.
Свѣтоглазочка, засмѣйся.
Ну, засмѣйся, змѣйкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только бъ счастья.
Поле счастья—безъ межи.

О, свѣтлянка, поцѣлуй!
Дай мнѣ сказку поцѣлуя!
Лебедь хочетъ жить ликуя,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплывемъ,—не утоплю.
Возлетимъ,—коснусь крылами.
Выше. Къ Солнцу! Солнце съ нами!
— Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

Опрокинулись рѣки, озера, затоны хрустальные,
Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетности Млечныхъ путей.
Свѣтятъ въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальныя,
Разновольность людей обращаютъ въ сліянность ночей.

И горятъ, и горятъ. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свѣчей въ кругозданности храмовъ ночныхъ.
Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокрылыми.
И, срываясь, поютъ, что внизу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медъ, предугаданный пчелами.
Изъ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадаетъ звѣзда.
Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ веселыми.
И горятъ какъ цвѣты. И горитъ Золотая Орда.

1908. Ночи Зимнія.
Долина Березъ.

ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ.

I.

ЯНВАРЬ.

Славянскій Просинецъ, въ сосулькахъ весь, Январь,
Какъ будто Новый Годъ, какъ будто смотритъ въ старь,
Поставленъ Декабремъ, и словно въ правду царь.

Морозитъ, и казнитъ, и носитъ горностай,
Пощады отъ него въ лѣсу не ожидай,
А все же знаетъ самъ, что будетъ Мартъ и Май.

Хотя у Января и дологъ бѣлый зубъ,
Хоть золотомъ лучей по-старчески онъ скупъ,
Труби въ мятель-трубу,—что толку въ ревахъ трубъ?

Едва Январь вошелъ въ хрустальный свой дворецъ,—
Раскрыла чуточку Весна цвѣтной ларецъ,
И стали дни расти и пѣть Зимѣ конецъ.

Поютъ они, поютъ, и лучъ на нихъ блеснетъ,
Поютъ они, что вотъ снѣжникамъ спутанъ счетъ,
Что льды-то хороши, а тастъ все-жь и ледъ.

И слушаетъ Январь, блѣднѣетъ, побѣлѣлъ,
Синѣетъ, весь застылъ, увидѣлъ свой предѣлъ,
Такъ, Просинецъ, синѣй, конецъ тебѣ приспѣлъ.

II.

ФЕВРАЛЬ.

Февраль—Сѣчень, Февраль—печаль,
Короткій день, а дня намъ жаль,
Короткій день, и длится ночь.
Тутъ какъ мѣнять? Туть какъ помочь?

Февраль, онъ крутъ, Февраль, онъ лютъ,
Ему лишь вѣтры стихъ поютъ.
Сѣчетъ онъ снѣгомъ лица намъ,
Сѣчетъ онъ зиму пополамъ.

Февраль—предатель. Бойся тотъ,
Кому Февраль тепломъ дохнетъ.
Онъ грѣетъ часъ, въ обманахъ дней,
Чтобъ ночью было холоднѣй.

III.

МАРТЪ.

Мартъ капризный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ,
Мѣсяцъ тотъ, что предъ Апрѣлемъ—такъ его, боясь, крестятъ.

Стонутъ мартовскія кошки, въ нашемъ сердцѣ и на крышѣ,
И сказать намъ невозможно, гдѣ свирѣпѣе, гдѣ тише.

Мартъ у матери взялъ шубу—продалъ мѣхъ на третій день,
Мартъ невѣрный, Мартъ смѣется, Мартъ рыдаетъ, свѣтъ и тѣнь.

Мартъ ворчитъ какъ старый старецъ, Мартъ лепечетъ какъ ребенокъ,
Мартъ приходитъ львомъ могучимъ, а уходитъ какъ ягненокъ.

Входитъ въ кровь и въ сновидѣнья, влажнымъ дѣлаетъ нашъ взглядъ,
Мартъ безумный, Мартъ безумный, Итальянцы говорятъ.

IV.

АПРѢЛЬ.

Апрѣль—разымчивый Цвѣтень,
Апрѣль—сплошной Егорьевъ день,
Въ упорной схваткѣ свѣтъ и тѣнь.

Пучинный мѣсяцъ, живъ приливъ,
Разливъ широкъ, потокъ красивъ,
Отъ мига—часъ для новыхъ нивъ.

Послѣднихъ льдинокъ тонкій звонъ,
Прилетъ крылатыхъ завершенъ,
Поютъ и вьютъ, вступаютъ въ сонъ.

Но все жь, хоть много сновъ зажглось,
Двѣнадцать разъ сѣдой Морозъ
Посеребритъ луга, откосъ.

И будетъ рыжая Луна,
Врагиня грезъ, она страшна,
Цвѣтамъ въ ней ржавчина одна.

Но если холодъ—лиходѣй,
Егорій есть въ разливѣ дней,
Защита травъ, полей, звѣрей.

На бѣломъ ѣздитъ онъ конѣ,
И щитъ его въ живомъ огнѣ,
Сѣдло въ цвѣточной пелснѣ.

Онъ появляется въ лѣсахъ,
Весь въ красномъ золотѣ, въ звѣздахъ,
Златые кудри—въ жемчугахъ.

И звѣрю онъ даетъ наказъ,
Пчелѣ велитъ, чтобы зажглась,
Покинувъ улей въ ранній часъ.

Егорій ѣдетъ—слышишь громъ?
Егорій рушилъ водоемъ,
Егорій, пѣснь тебѣ поемъ.

V.

МАИ.

Май, Май,
Свѣтлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цвѣтничокъ,
Въ рощѣ свѣтленькій лужокъ.

Май, Май,
Свѣжій сонъ,
Колокольцевъ нѣжный звонъ.
Ландышъ здѣсь,
И ландышъ тутъ,
Это ландыши поютъ.

Май, Май,
Нѣжный весь,
Шопотъ тамъ, и смѣхи здѣсь.
Какъ струна,
Изъ вѣтвей,
Звонко кличетъ соловей.

Май, Май,
Ты—Весна,
Ты—окошко для зерна.
Вдругъ пошлешь
Даже снѣгъ,
На часокъ, для большихъ нѣгъ.

Май, Май,
Ты хорошъ,
Не забылъ ни цвѣтъ, ни рожь.
Май, Май,
Ты—уста,
Трепетъ тѣла, красота.

Май, Май,
Въ коноплю,
Въ ленъ влагаешь ты „Люблю“.
Сказокъ рай,
Урожай,
Поцѣлуй насъ, Май, Май.

VI.

ІЮНЬ.

Іюнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
Кто родится въ Іюнѣ, никакъ одному не сумѣетъ помочь:
Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза вдюбленная,
Душа его будетъ безсонная.

Въ зеленомъ Іюнѣ цвѣтутъ всѣ цвѣты,
Густѣетъ осока прохладными свитками,
Бѣлѣетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчь съ маргаритками
Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь ли ты?“
Цвѣтетъ и влюбляетъ ночная фіалка пахучая,
И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
Кто въ Іюнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно мучая,
Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
Распвѣченная, жгучая.

И въ Іюнѣ, въ Иванову ночь,
Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
На вопросъ, что, мелькнувъ, ужь не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная

Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала безсонная.

VII.

ІЮЛЬ.

Іюль—верхушка Лѣта,
Въ поляхъ, въ сердцахъ—страда.
Въ цвѣту—всѣ волны свѣта,
Цвѣтетъ—сама вода.

Цвѣтетъ все ярко-ярко,
Расплавленъ самый день,
Все дышетъ жарко-жарко,
Жужжитъ, и жжетъ слѣпень.

Въ Іюлѣ хоть раздѣнься,
Не станетъ холоднѣй.
Гроза, вскипи и вспѣнься,
Спусти дождей съ цѣпей.

Такъ ноютъ ноги, руки,
О, Лѣта переломъ,
Мнѣ легче эти муки,
Когда я съ кѣмъ вдвоемъ.

Сіяй же мнѣ, зарница,
И молніей мнѣ будь,
Лети же въ сердце, птица,
Открой мнѣ въ Вѣчность грудь.

Греми же, колесница
Вѣнчаннаго Ильи,
Окутай, огневица,
Всѣ помыслы мои.

VIII.

АВГУСТЪ.

Зарничникъ, Заревъ, Ленорость,
Дожать, вспахать, посѣять,
Пожары селъ, паденье звѣздъ,
Пожары листьевъ, звѣздный мостъ.
Куда? И что лелѣять?

Серпы нагрѣты, а свѣжѣй,
Чѣмъ было тамъ, въ Іюлѣ,
Всѣ пѣсни спѣты, и слышнѣй,
Чѣмъ пѣсня, крики журавлей,
Вонъ, въ Небѣ потонули.

Усѣкновеніе главы
Великаго Предтечи,
Успенье, Спасы, всѣ-ли вы
Собрали все съ стеблей травы,
И всѣ ль свершились встрѣчи?

Намъ много ль яблоковъ дано,
Орѣховъ, урожая?
Копейка, хлѣбъ, закромъ, гумно,
И снова брошено зерно,
И озимь—вотъ, живая.

По были ласточки—и нѣтъ,
Цвѣтокъ пылалъ—и гдѣ же?
Онъ въ листьяхъ, въ мертвыхъ—пламецвѣтъ,
Стригутъ овецъ, и Годъ одѣтъ,
По рѣже Солнце, рѣже.

IX.

СЕНТЯБРЬ.

Вовсе Лѣто проводили,
И какъ будто легче намъ,
Все скосили, въ полной силѣ,
Все пожали, по домамъ.

Вѣтерки отъ полуночи
Попрохладнѣй понеслись,
Это Осень смотритъ въ очи,
Эй Сентябрь, не холодись.

Хоть готовы намъ кафтаны,
И дрова для всѣхъ печей,
Ты въ ползучіе туманы
Лучъ послѣдній свой пролей.

Ишь, послушалъ. Бабье лѣто.
Двѣ недѣли есть тепла.
Паутинки въ морѣ свѣта,
Даль прозрачная свѣтла,

Золотые въ сердцѣ слитки,
Шутитъ Маемъ сѣдина,
Взгляды, первыя заспдки,
Ты откуда, пѣснь, слышна?

Не рябина ли запѣла,
Что краснѣетъ красота?
Или отдыхъ послѣ дѣла?
Или Вздвиженье Креста?

Ужь не знаемъ, только праздникъ,
Въ Небѣ, въ сердцѣ, золотой.
Эй Сентябрь, да ты проказникъ,
Ну, всесвѣтникъ бабій, спой.

X.

ОКТЯБРЬ.

Снѣгъ невѣрный, листопадъ,
Свѣтлой Осени закатъ,
Пьяный Свадебникъ, оброкъ,
Закругляющійся срокъ.

Кто дожилъ до Октября,
Поработалъ онъ не зря,
Въ Октябрѣ, какъ въ Мартѣ, въ насъ
Живо сердце, умъ погасъ.

Въ Октябрѣ-то, примѣчай,
Хоть и грязь, а словно Май,
Вотъ какъ сваты будутъ здѣсь,
Путь означится мнѣ весь.

Земляники въ Октябрѣ
Не ищи ты по зарѣ,
А рябина—есть, горька,
Да сладка въ рукахъ дружка.

Не ищи ты и цвѣтовъ,
По зазимью, на Покровъ,
Да ужь есть одинъ цвѣтокъ,
Мнѣ дружокъ сказалъ намекъ.

Посылаетъ онъ, Покровъ,
Дѣвкѣ—сновъ, землѣ—снѣговъ,
Землю выбѣлитъ онъ тутъ,
Четко, въ церковь поведутъ.

Бѣлка смѣнитъ шерсть,—чиста,
Скученъ ленъ,—дождусь холста,
Необлыжною зимой,
Знаю, милый, будешь мой.

XI.

НОЯБРЬ.

Божій кузнецъ,
Дороги и рѣки куетъ,
Зимѣ изо льда онъ готовитъ ларецъ,
Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ,
Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
Звонко куетъ,
Бѣлая кузница—міръ,
Весь оковалъ,
Въ иней не разъ и не два одѣвалъ
Поле и лѣсъ,
Кличетъ мятели на пиръ,
Смотритъ на яркія звѣзды Небесъ,
Словно и имъ онъ дороги моститъ,
Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонъ тамъ,
Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвиститъ,
Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
Снова—ковать, и гвоздитъ, и гвоздитъ,
Гробъ, что-ли, намъ?
Саваномъ бѣлымъ въ ночахъ шелеститъ,
Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

XII.

ДЕКАБРЬ.

Все покрылъ бѣлоснѣжнымъ уборомъ,
Завершилъ круговратности силъ,
Вмѣстѣ съ звѣздами ходитъ дозоромъ,
Не забылъ ли чего? Не забылъ.

Усыпилъ мертвецовъ по могиламъ,
Почивайте до лучшаго дня,
И видѣньемъ скользитъ бѣлокрылымъ,
И проходитъ цѣпями звеня.

За Зелеными Святками въ Бѣлыхъ
Онъ ведетъ приговорную рѣчь,
Предстаетъ въ зеркалахъ помертвѣлыхъ,
Въ заклинаньи колдующихъ встрѣчъ.

И гадаетъ, пугаетъ, гадая,
И счастливитъ, вопросъ угадавъ,
И мѣняется сказка сѣдая
Надъ забвеньемъ загрезившихъ травъ.

Достигаетъ кратчайшаго свѣта,
И съ ночами ведетъ хороводъ,
Повернетъ вмѣстѣ съ Солнцемъ на Лѣто,
Съ Новымъ счастьемъ, Земля, Новый Годъ.

XIII.

ТРИНАДЦАТЫЙ.

А кто же тотъ Тринадцатый?
Онъ опрокинулъ счетъ?
А кто же тотъ Тринадцатый?
—Я вашъ отецъ, я Годъ.

Не я ли вамъ въ круженіи
Далъ вѣдать бытіе,
Въ различномъ выявленіи
Различное свое?

И далъ въ цвѣты вамъ—снѣжности,
И далъ въ снѣга—цвѣты,
Свирѣль печали—въ нѣжности,
И звѣздъ для темноты.

Не я ли далъ сливаться вамъ
Изъ круга въ кругъ другой,
Не я ли далъ сплетаться вамъ
Какъ радугой—дугой?

Не я ль вамъ далъ свободными
Сквозь три и десять быть,
Со днями хороводными
Сквозь нечетъ четъ любить?—

Тринадцатый да славится,
Имъ весь оправданъ счетъ!
Въ вѣка вѣковъ да явится
Вѣнчаннымъ мудрый Годъ!

Да славится Тринадцатый,
Кѣмъ живъ нашъ хороводъ!
Да славится Тринадцатый,
Круговозвратный Годъ!

1907. Ночи Осеннія.
Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.

МАЙЯ.

I.

ИГРАТЬ.

Играть на скрипкѣ людскихъ рыданій,
На тайной флейтѣ своихъ же болей,
И быть воздушнымъ какъ мигъ свиданій,
И нѣжнымъ — нѣжнымъ какъ цвѣтъ магнолій.

А послѣ? Послѣ — не существуетъ,
Всегда есть только — теперь, сейчасъ,
Мгновенье вѣчно благовѣствуетъ,
Секунда — атомъ, живой алмазъ.

Мы расцвѣтаемъ, мы отцвѣтаемъ,
Безъ сожалѣнья, когда не мыслимъ,
И мы страдаемъ, и мы рыдаемъ,
Когда считаемъ, когда мы числимъ.

Касайся флейты, играй на скрипкѣ,
Укрась алмазомъ вверху смычокъ,
Сплети въ гирлянду свои ошибки,
И кинь, и въ пляску, въ намекъ, въ прыжокъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
Фіалъ переполненный выпитъ.
Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
Гребцы корабля,
На которомъ Египетъ
Сквозь Вѣчность скользитъ по зеркальности Нильскихъ водъ.

Ушли Фараоны.
Ихъ нарядныя муміи спятъ,
Предъ глазами людей восхищенными.
Всѣ пирные звоны
Смѣнились напѣвомъ цикадъ.
Лишь звѣзды блестятъ и блестятъ надъ пескамі, самумомъ взметенными.

И Сфинксъ все глядитъ.
И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
Въ зыби вѣковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперебой.
И вкругъ пирамидъ
Жизнь живетъ, вешній воздухъ весь ладанный,
Нилъ течетъ, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

III.

ОАХАКА.

Жасминный сонъ въ саду мимозномъ
И многоразно цвѣтовомъ,
Подъ Небомъ бездымъ, Небомъ звѣзднымъ,
Гдѣ много дружныхъ звѣздъ вдвоемъ.

Весенній садъ акацій бѣлыхъ,
И апельсиновыхъ вѣтвей.
Помедли, Ночь, въ своихъ предѣлахъ,
О, тише, тише, вѣтеръ, вѣй.

Мы здѣсь въ странѣ, гдѣ, въ Смерть вступая,
Кветцалькоатль вошелъ въ костеръ,
А съ краю Моря, золотая,
Звѣзда взошла, и пѣлъ ей хоръ.

Перистый Змѣй, онъ сжегъ все тѣло,
Но сердце въ пламени — живетъ,
И до верховнаго предѣла
Восходитъ въ синій Небосводъ.

И тамъ гора есть міровая,
На ней верхи — какъ города,
На ней все Небо, отдыхая,
Глядитъ, какъ свѣтится звѣзда.

На той чертѣ, гдѣ слиты вмѣстѣ
Земля и Небо и Вода,
Какъ въ храмъ идетъ женихъ къ невѣстѣ,
Въ лазурной тьмѣ идетъ звѣзда.

И нѣжный — нѣжный, паутинный,
Доходитъ свѣтъ въ весенній садъ,
Покровъ лучей, и сонъ жасминный,
Сплетенный Вѣчностью обрядъ.

IV.

ЦВѢТОКЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ цвѣтку, съ пчелой звенящей,
Шлетъ золотистую пыльцу.
И къ отдаленному концу,
Надъ обнаженностью и чащей,
Несется, съ бабочкой летящей,
Пахучесть думъ, двойной расцвѣтъ,
Восторгъ цвѣтенья, свѣтлый слѣдъ,
Воздушность пляски въ зыби струйной,
Духъ благовонья поцѣлуйный.

Не такъ ли я тебѣ пишу
Мое воздушное посланье,
Которой — сердцемъ я дышу,
Къ которой — въ сердце я дышу,
Съ которой тонкое сліянье
Мнѣ обѣщаетъ мотылекъ
Моихъ цвѣтисто-струнныхъ строкъ,
Качанье лунаго дыханья,
Дабы возникъ медвяный сокъ,
Жасминный духъ благоуханья.

V.

ПѢСНЬ ЗВѢЗДЫ.

Съ первымъ солнцемъ, съ первой пѣсней вешняго дрозда
У меня въ душѣ запѣла звонкая звѣзда.

— Какъ, звѣзда? Но звѣзды свѣтятъ, вовсе не поютъ. —
О, поютъ, лишь только въ сердцѣ пѣснѣ дай пріютъ.

Ты услышишь и увидишь, что съ вечерней мглой
Звѣзды тихо запѣваютъ въ тверди голубой.

И межъ тѣмъ какъ Ночь проходитъ въ синей высотѣ,
Пѣснь Созвѣздій звонче, громче въ тонкой красотѣ.

Звонкихъ громовъ, тонкихъ звоновъ вышина полна,
Тамъ серебряное море, глубина безъ дна.

Тамъ безбрежность ожерельныхъ, звѣздныхъ волнъ поетъ,
Отъ звѣзды къ Созвѣздью нѣжность, сладкая какъ медъ.

Отъ звѣзды къ звѣздѣ стремленье — въ брилліантахъ пѣть,
Луннымъ камнемъ засвѣтиться, паутинить сѣть.

Паутинить паутинки тѣхъ тончайшихъ сновъ,
Для которыхъ въ нашихъ взорахъ пиръ всегда готовъ.

Погляди-же, ближе, ближе, здѣсь въ мои глаза.
Ты не видишь какъ поетъ тамъ звѣздно бирюза?

Ночь весеннюю я слушалъ до утра звѣзду,
И душа открылась Солнцу, и тому дрозду.

И душа открылась сердцу, твоему, любовь.
О, скорѣй на звѣздный праздникъ сердце приготовь.

VI.

ЛАНДЫШИ.

Ландыши вы бѣлоснѣжные,
Не соты-ль вы лунныхъ пчелъ?
Въ шестигранныя келейки нѣжныя
Заоблачный сонъ вошелъ.

Вы сладостно, радостно дышете,
Душистый лелѣя сонъ.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тотъ слышите звонъ.

Нѣтъ, не только. До самаго звѣзднаго
Неба, гдѣ Полночь — блѣдна,
Гдѣ какъ будто бы въ чарахъ морознаго
Сіяніи свѣтитъ Луна, —

Уходитъ напѣвами вольными
Колокольный вашъ призрачный звонъ,
Надъ тѣнями березъ тонкостволыными,
Призывая на свой амвонъ.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунныхъ звоните вы селъ,
И звонами точно-хвалебными
Отвѣтствуютъ сонмы пчелъ.

Съ Луною пчелы прощаются,
И внизъ скользятъ по струнѣ,
Въ ландыши внутрь помѣщаются,
И тихонько жужжатъ къ Лунѣ.

Вонъ видишь, въ дома шестигранные,
Въ снѣжистость, въ душистость вошли,
Золотистыя, малыя, странныя,
Ихъ не слышно въ цвѣточной пыли.

Но не слышно лишь намъ. Все жъ въ волненіи,
Если ночью близь ландышей мы,
Словно въ пѣньи мы, въ млѣньи, въ моленіи
Бѣлозвонной мглы — полутьмы.

VII.

ЛИШЬ БОГЪ.

Лишь Богъ — творецъ, лишь Богъ — всезрящій,
Лишь Богъ — надъ вихрями планетъ,
За ними, въ нихъ, вездѣ, въ грозящей
Провальной мглѣ, и въ травкѣ спящей,
Въ орлѣ, и въ ласточкѣ летящей,
Лишь Богъ — поэтъ.

Гремите, солнечныя струны,
Звоните, лютни блѣдныхъ лунъ,
Пропойте „Богъ“ въ моряхъ, буруны,
Запомнимъ всѣ, пока мы юны,
Начальный звукъ вѣчальной руны:
Лишь Богъ — колдунъ.

VIII.

ДЛЯ ЧЕГО?

— Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— Для чего же оно горѣло вчера?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— А завтра зачѣмъ? — Чтобъ воскликнуть: Пора!
Будемъ въ радости зрѣнія лика Господня.

IX.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Poiché vivo per te sólo.

Люблю тебя, люблю какъ въ первый часъ,
Какъ въ первый мигъ внезапной нашей встрѣчи.
Люблю тебя. Тобою я зажглась.
Въ моей душѣ немолкнущія рѣчи.
И какъ мою любовь я назову?
Восторгомъ-ли? Мученьемъ-ли? Борьбою?
Ей нѣтъ конца, покуда я живу,
Затѣмъ что я живу однимъ тобою.

X.

СТРУННОСТЬ.

Oh quanto ti amo.

Завершены часы священныхъ оргій.
Я зналъ. Любилъ. Безумствую. Люблю.
Застывъ, какъ тѣнь, въ паническомъ восторгѣ,
Біенія моихъ терзаній длю.

Благоговѣйно, гимнами хорала,
Во мнѣ поетъ безсмертная любовь.
Не говори, что блеска въ жизни мало.
Благослови. Люби. Не прекословь.

XI.

РАЗСВѢТЪ.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
Въ озерѣ все Небо отражалось,
Полночь въ безглагольномъ отразилась,
Тихая, въ безгласномъ задержалась,
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звѣздное качнула коромысло,
Капля съ Неба свѣялась къ Землѣ,
И одна былинка шевельнулась,
Измѣнивъ серебряныя числа,
Вся серебристость въ числахъ пошатнулась,
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскликнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ
Цѣлый замокъ рушился молчанья,
И раздался всюду тонкій звонъ.
Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ
Двинулъ звуковыя колебанья,
Шевельнулъ затономъ серебристымъ,
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

XII.

АУ.

Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
Онъ звалъ, какъ въ сонъ зоветъ свирѣльный звонъ.
И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебя увѣнчиваю,
Уйдемъ, бѣжимъ, вдвоемъ, на горный склонъ.
Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позванивaетъ.
Цвѣтку цвѣтокъ средь дня зажегъ свѣчу.
И чей-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

XIII.

МАЙЯ.

Я тебя восхваляю, о, Майя живая,
Трепетомъ струнъ.
Ты свой кругъ завершаешь, въ сіяньяхъ вступая
Въ тринадцать Лунъ.
Ты вездѣ со мною, гдѣ любовь огневая
Мнѣ шепчетъ: Ты юнъ.
Ожерелье сплетешь, но жемчужины, тая,
Льются въ бурунъ.
И буря хохочетъ, какъ вѣдьма сѣдая,
Какъ злой колдунъ.
И буря разъялась, ты вновь голубая,
О, Майя, ты снова идешь, круговая,
Въ тринадцать Лунъ.

1908. Апрѣльскія Зори. Птичьи голоса.
Долина Березъ.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

I.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

Я живу въ дворцѣ, чье имя—Царство Мая.
Прилетаетъ къ окнамъ Птица голубая,
Крылья у нея и перья—цвѣта дней,
Цвѣта голубыхъ пространственныхъ зыбей.
И поетъ та Птица. Говоритъ про время.
Мнѣ какъ будто капли падаютъ на темя.
Будто синихъ молній жгутъ меня лучи.
Дождь ли раскаленный? Не могу понять я.
Но, закрывъ глаза, колдую я:—Молчи.
Вотъ, кому-то снова я раскрылъ объятья.
Губы, въ поцѣлуѣ, шепчутъ:—Навсегда.
Взоры, пріоткрывшись, мечутъ блескъ заклятья.
Изумрудны листья. Говоритъ вода.
Исчезаетъ въ даляхъ Птица голубая.
И другія птицы плещутъ въ Царствѣ Мая.

II.

ИДУНА.

Тамъ, гдѣ древо міровое,
Тамъ, гдѣ ясень Игдразилъ,
Слышно пѣніе живое,
И какъ будто звонъ кадилъ.

Это—пѣніе Идуны,
И когда ты невзначай,
Проходя, услышишь руны,
Вложишь въ струны вѣчный Май.

Это—пѣніе Идуны,
На узорчатыхъ вѣтвяхъ,
Тамъ, гдѣ яблоки—какъ луны,
И какъ солнца въ облакахъ.

Это—пѣніе Идуны,
Чей напѣвъ—рожденье струй,
Чьи глаза, лазурно-юны,
Необманный поцѣлуй.

Кто, любя расцвѣты въ мірѣ,
Къ Игдразилу подойдетъ,
Тотъ увидитъ ликъ валькирій,
Изопьетъ душистый медъ.

Кто съ Луной и съ Солнцемъ въ мысли
Отъ зари и до зари,
Глянь, здѣсь яблоки нависли,
Встань, цѣлуй, люби, бери.

Это—пѣніе Идуны,
Вѣрь въ согласный звонъ кадилъ,
Дымъ отъ жертвъ и возгласъ юный
Вѣчно въ Небо доходилъ.

III.

ЛЕНЪ.

Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ,
Спѣетъ четыре недѣли,
На седьмую же сѣмя летитъ.
Ленъ—голубой небосводъ,

Ленъ—во влюбленномъ Апрѣлѣ
Звонъ предразсвѣтной свирѣли,
Въ лунной ночи сталактитъ.
Ленъ—голубой онъ и бѣлый,
Это есть два,
Ленъ въ міровые уходитъ предѣлы,
Всюду сіяетъ его синева,
Это четыре,
Ибо четыре есть таинства въ Мірѣ,
Сѣверъ и Югъ и Востокъ и Закатъ,
Бѣлый и черный и красный и златъ,
Если жъ въ пещеру мою, гдѣ горитъ
Лунное множество плитъ,
Если въ пещеру
Ленъ поглядитъ,
Вотъ, мы исполнили мѣру,
Семь засвѣтилось, живетъ сталактитъ.
Сѣмя летитъ,
Свѣтится нѣжная блѣдность лица,
Весь осіянъ голубой небосводъ,
Девять въ немъ лунъ,—
Чтобъ дополнился счетъ.
Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ,
Имъ же не будетъ конца.

IV.

ВѢНЧАННЫЕ.

Въ саду проходитъ юный,
Съ нимъ рядомъ молодая.
Въ вѣтвяхъ звенятъ имъ струны,
Ручей, съ камней спадая,
Поетъ, поетъ, поетъ,

Въ цвѣтахъ имъ свѣтлый модъ.
Невѣста—Полночь Мая,
Женихъ, онъ кто? Узнай.
Онъ День, а, можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба такъ согласны,
Взаимности покорны.
Цѣлуетъ онъ ее,
„Ты все, ты все мое".
Ея мечты узорны,
Какъ брилліантъ она
Въ оправѣ черной сна.

Женихъ—свѣтловолосый,
Глаза его—зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ея—затоны,
Въ нихъ свѣтлая печаль,
Прозрачнѣй, чѣмъ хрусталь.
Въ саду проходятъ звоны,
Поютъ цвѣты, дыша:
„Вюбленность хороша".

Весь Май процѣловались,
Въ Іюнь зашли, не зная,
Заря съ зарей встрѣчались,
Любовниковъ встрѣчая.
И свѣтъ вошелъ во тьму,
И все отдавъ ему,
Блѣдиѣя, Полночь Мая
Съ Іюньскимъ нѣжнымъ днемъ
Растаяла огнемъ.

V.

СЕМИКЪ.

Семицкая недѣля—зеленая, русальная,
Часы Зеленыхъ Святокъ, во всемъ году единыя,
Въ душѣ тоскуетъ сказка, влюбленная, печальная,
И быстро разрѣшится въ тѣ ночи воробьиныя.
Вотъ дѣвушки. Куда они? Лѣсной мечтой дышать.
Вотъ дѣвушки. Куда они? Кукушку провожать.
Семикъ, четвергъ зеленый, березка завита.
О чемъ же ты тоскуешь, стыдливая мечта?

Влечетъ рѣка во влажность, течетъ рѣка хрустальная.
О, дѣвушки, куда вы? Русалки защекочутъ васъ.
А если не войдете, прощай мечта вѣнчальная.
О, дѣвушки, куда вы? Русалки захохочутъ васъ.
Войдешь въ рѣку, забудешься, утонешь ты въ водѣ,
Уйдешь отъ водъ, и сонъ уйдетъ, и нѣтъ его нигдѣ.
О, дѣвушка, войди въ хрусталь, но въ воды травку кинь,
Спасетъ тебя одна трава, печаль, печаль, полынь.

VI.

ТѢЛО ИГРАЕТЪ.

Тѣло играетъ,
Душа глядитъ.
Тѣло въ лугахъ незабудки сбираетъ,
Тѣло уходитъ въ скитъ.
Маки срываетъ, мѣняетъ свой видъ,
Въ страшности, въ страстности входитъ, взираетъ.

Въ полдни и въ ночи себя убираетъ,
Выхватитъ ножъ,
Скажетъ—хорошъ.
Сплететъ, заплететъ безъ конца поцѣлуи.
Брызнетъ—огни. И огни хороши.
Вѣчныя струи.
Все жь у души
Взора оно не смутитъ.
Вотъ оно снова, по пыльной дорогѣ, на Храмъ собираетъ.
Тѣло играетъ,
Душа глядитъ.

VII.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Могучій рогъ, изогнутый и полный,
Пьянящимъ медомъ—предо мной.
Я пью, я пью, живительныя волны
Умчали душу подъ Луной.

О, Царь-Дѣвица, Лебедь вѣковая,
Какъ искрометенъ этотъ медъ.
Онъ старъ, онъ старъ, и потому, живая,
Волна въ душѣ моей течетъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
Мнѣ поднесла, становится жезломъ.
И я царю, и ты горишь, зарница,
Мы будемъ молніей вдвоемъ.

И этотъ рогъ, что ты, о, Царь-Дѣвица,
Мнѣ поднесла, становится рулемъ.
И мы скользимъ, летитъ двойная птица,
И мы плывемъ, и мы плывемъ.

VIII.

ЦВѢТЪ НОЧНОЙ.

Въ мозгъ мой, въ зрѣніе, и въ слухъ
Влился нѣжный женскій духъ.
И въ душѣ расцвѣтъ цвѣтка,
Имя—дѣвичья тоска.

Этотъ ласковый цвѣтокъ
Между травокъ одинокъ.
Какъ вечерній слышенъ звонъ,
Голубой и бѣлый онъ.

А какъ Ночь на высотѣ
Звѣзды мчитъ къ одной чертѣ,
Онъ, мѣняясь каждый часъ,
Смотритъ глубью жадныхъ глазъ.

То засвѣтится какъ трутъ,
То блеснетъ какъ изумрудъ,
То ласкательно-лучистъ
Задрожитъ какъ аметистъ.

Въ маломъ домикѣ пожаръ,
Въ храмѣ свѣчи—Божій даръ.
Опрокинувшись въ водѣ,
Кличетъ въ глубь звѣзда къ звѣздѣ.

Въ спадахъ водъ хрустальный звонъ,
Цѣлый лѣсъ завороженъ.
Въ безглагольности озеръ
Звѣздно-зыбкій разговоръ.

А какъ Ночь на высотѣ
Отойдетъ къ своей чертѣ,
На прогалинѣ лѣсной
Расцвѣтаетъ цвѣтъ иной.

Онъ какъ рдяность нѣжныхъ ранъ,
Застыдился, онъ румянъ,
Онъ горитъ, не хочетъ ждать,
Хочетъ вовсе краснымъ стать.

IX.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихій пламень, тихій пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, серебротканный, золотой.
То скользящій, словно въ чащѣ лучъ-фонарикъ свѣтляка,
То грозящій, словно въ чащѣ ждетъ колдунъ изподтишка.
То какъ тайна Океана, что, сѣдой, безсмертно-юнъ,
То какъ ранній свѣтъ тумана, то какъ звоны дальнихъ струнъ.
То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горитъ,
А какъ будто не для глаза, а для слуха говоритъ.
То какъ змѣйный свѣтъ опала, то какъ сказка жемчуговъ,
Какъ церковный звукъ хорала въ часъ спасенья отъ враговъ.
То какъ верба въ ночь ущерба, или въ первый мигъ серпа,
Лунный камень, струнный пламень, отъ тебя въ тайникъ тропа.

X.

МАЗУРКА.

Я видѣлъ, какъ ты танцевала мазурку,
Легко ты скользила въ волнѣ звуковой,
И вдругъ я увидѣлъ—Снѣгурку—Снѣгурку,
Растаяла—тучкой летитъ предъ Луной.

Не Солнце пресвѣтлый твой ликъ озаряло,
Лучи серебристой Луны,
И было воздушно твое покрывало,
И блѣдные пѣли въ свирѣльностяхъ сны.

XI.

ВСЕЗВѢЗДНОСТЬ.

Я хотѣлъ бы быть послѣднимъ между первыми вождями,
Я держалъ бы стремя богу, видя сонмы звѣздъ надъ нами,
Я служилъ бы какъ невольникъ тѣмъ, въ которыхъ все—свобода,
Я бы каплей, каплей вспыхнулъ въ пресѣченьи Небосвода.

XII.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
Тамъ юноши, взрослые, малые дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова на Западъ съ Востока,
Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, не знаютъ ни часа, ни срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благости Бога,
И всѣ, проходя, проиграютъ цѣпями, и вѣчно, и вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное пламя,
Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ, и алость,
И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнетъ ихъ усталость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славѣ, о чарахъ,
Несчетные духи, согбенно, проходятъ, какъ тѣни, въ безмѣрныхъ пожарахъ.

По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ, донынѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлые дѣти, и юны, межъ старцевъ, старухи.

XIII.

ЦАРИ СІЯНЬЯ.

... Цари сіянья отошли,
Они разгнѣвались на это.
И, старымъ, нѣтъ намъ больше свѣта,
Онъ только тамъ, вверху, вдали.

Лазурные престолы пусты,
Всецѣльность превратилась въ топь,
Въ періодическую дробь,
И мраки Ада цѣпко-густы.

Когда жъ окончится нашъ срокъ,
И снова будутъ дни младые,
И снова стебли золотые
Взнесутъ лазоревый цвѣтокъ?

XIV.

ОДИНОЧЕСТВО.

Я боялся людей, презиралъ, ненавидѣлъ ихъ,
Черезъ это прошелъ я, и рубежъ навсегда перешелъ,

Какъ могу ихъ винить, если Рокъ міровой всѣхъ обидѣлъ ихъ?
Я одинъ, но безгнѣвно, надъ темными шествіями золъ.

Здравствуй, еще и еще, Одиночество,
Я зажегъ тебѣ тихую вечернюю свѣчу,

И нѣмыя, какъ лампада, тайныя пророчества
Я качаю въ душѣ, и молчу.

XV.

ПТИЦА.

И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Когда я замолчалъ на темной высотѣ.
Внизу крутился валъ, дробился, многопѣнный,
И птица отъ меня летѣла по Вселенной,
Непобѣдимая въ крылатой красотѣ.

Мелькали корабли, какъ тѣни въ тускломъ свѣтѣ,
Поднявши стержни мачтъ и зыбя паруса.
На каждомъ кораблѣ блѣднѣли старцы-дѣти,
И всюду братъ съ сестрой, сквозь сонъ тысячелѣтій,
Играли въ поцѣлуй, въ цвѣткѣ была оса.

Все было сказано. Кто хочетъ, будетъ плѣнный.
Кто хочетъ, приметъ страхъ чрезъ Царскую Печать,
И будетъ врагъ Земли, и будетъ врагъ Вселенной.
Но валъ къ скалѣ придетъ, и брызнетъ сказкой пѣнной.
И буду я стоять. И думать. И молчать.

1907. Marzo pazzo. Съ высокой башни.
Парижъ. Пасси.

ПЛЯСКА ЗНОЯ.

I.

ОНЪ.

Хотя онъ похожъ на Огонь, онъ незримъ.
Онъ былъ, когда не было жалобы:—„Было“.
Вѣка передъ нимъ—какъ молитвенный дымъ.
А Солнце и Звѣзды и Мѣсяцъ—кадила.

Онъ смотритъ въ сердца замолчавшихъ людей,
Гдѣ страшныя вдругъ возстаютъ вереницы.
Въ зрачкахъ онъ у тигровъ, въ улыбкахъ дѣтей,
И въ маломъ онъ горлѣ распѣвшейся птицы.

II.

МѢСТО МОЕ.

Мѣсто мое—на порогѣ мгновенья,
Дѣло мое—безпрерывное пѣнье,
Сердце мое—изъ огня,
Люди, любите меня.

Счастье мое—въ свѣтловзорной измѣнѣ,
Сказка моя—и въ глубинахъ, и въ пѣнѣ,
Голосъ мой манитъ, звеня,
Звѣзды, любите меня.

III.

ПО МОРСКОМУ.

Въ МорѢ, съ Моремъ, по морскому,
Только грому помолясь,
Я баюкаю истому,
Радость знать перунный часъ.

Было, будетъ только это,
Радость лѣта и весны,
Брызги взрывчатаго свѣта
Съ бурно-взрытой вышины.

Радость молній преломленныхъ,
Пиръ стозвонныхъ павшихъ плитъ,
Алый храмъ въ моряхъ бездонныхъ,
И въ пожарѢ—СвѢтовитъ.

IV.

МИНУТКА.

Дать,
Взять,
Угадать.
То какъ другъ,
А то какъ тать.
ВѢчно дѢва,
ВѢчно мать,
Звукъ напѢва,
Лучъ мечты,
Крылья молній,
Это ты.

V.

АТОМЪ.

Атомъ—Ангелъ, вспышка въ Морѣ,
Человѣка не хочу,
Я огонь въ нѣмомъ узорѣ,
Лучшій возгласъ въ разговорѣ,
Въ мірѣ битвъ—молюсь мечу.

Дай мнѣ вѣчность—опрокину,
Я есмь я, и каждый—я,
Не хочу входить въ картину
Какъ черта, и, вольный, стыну,
Но моя мечта—моя.

VI.

ОТЪ АТОМА.

Отъ атома—до человѣка,
Отъ человѣка—до боговъ,
И въ долгій вѣкъ Мельхиседека
Отъ звона миговъ и часовъ.

Отъ неподвижности—въ самумы
Взметенно-зоркой быстроты,
Отъ тиши—въ грохоты и шумы,
Въ разломы цѣльной красоты.

Да будетъ. Это все пріемлю.
Отецъ мой—Умъ, и Воля—мать,
Но я слѣпилъ изъ точекъ землю,
Чтобъ снова точки разметать.

VII.

АТОМЫ ВРЕМЕНИ.

Мы въ извивныхъ
Вспѣвахъ взрывныхъ,
Мы втекаемъ въ Да и Нѣтъ.
Мы въ Безликомъ
Ликъ за ликомъ,
Иней звуковъ, прахъ примѣтъ.

Мы свѣченье,
Зыбь теченья
Въ Океанѣ міровомъ.
Дрожь въ намекѣ,
Малость, строки,
Буквы въ рунахъ, пѣснь въ нѣмомъ.

Мы забытость,
Глянцевитость
Всеокружнаго жерла.
Мигъ живемъ мы,
Но поемъ мы,
И звучатъ колокола.

Мы снѣжинки,
Паутинки,
Въ каплѣ влаги—милліонъ.
Онъ рыдаетъ,
Не считаетъ,
Но творимъ мы Небосклонъ.

Онъ смѣется,
Въ тайнахъ вьется,
Все же знаемъ мы, кто Онъ.
Въ ликъ—отъ лика,
Въ пѣснь—отъ крика,
Въ хороводности Временъ.

VIII.

НАЧЕРТАНІЯ.

Круговой полетъ планетъ,
Ихъ сплетенья въ темнотѣ,
Полосой идущій свѣтъ
Метеоровъ и кометъ,
Ужасающихъ примѣтъ
Въ говорящей пустотѣ.

Это все—мои черты,
Начертанья вѣщихъ рунъ,
Это—я, и это—ты,
Чтобъ надъ бездной пустоты
Были звѣздные цвѣты
Въ нескончаемости струнъ.

IX.

ОГНЕННАЯ ЖАТВА.

Клокочетъ огненное море,
Горятъ зловѣщіе румянцы,
На Солнцѣ рушатся въ просторѣ
Вскипанья чувствъ, протуберанцы.

Что въ Солнцѣ въ этотъ мигъ боролось?
Узнать ли намъ, тѣнямъ пожара!
Но въ немъ горѣлъ гигантскій колосъ,
Свершилась жатвенная чара.

X.

СУХОЙ ПЕРУНЪ.

Сухой туманъ, когда цвѣтенье нивъ—
Проклятье дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
У нивъ зарницы даже—на счету,
Сухой Перунъ—сжигаетъ рожь въ цвѣту.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
И чахнетъ цвѣтъ, что радовалъ межу.
Перунъ желаетъ молній—изъ зарницъ,
Небесныхъ—долженъ онъ пьянить дѣвицъ.

XI.

ПОЛОНЯНИНИКЪ.

— Почему ты, духъ свирѣльный,
Вѣчно носишься, кружишься,
Ни на мигъ не отдохнешь?
На качели ты мятельной,
Вправо, влѣво, къ дали мчишься.
— Я—плѣненный.—Это что жь?
— Надо мной обрядъ крещенья
До святого завершенья
Не былъ доведенъ.

Потому что попъ былъ пьяный
Былъ онъ рваный и румяный,
Опрокинулъ свѣчи онъ,
Разукрасилъ крестъ цвѣтами,
Говоритъ: „Веселье съ нами.
Благовѣстье бытія".
И вина онъ налилъ въ воду:
„Это душамъ дастъ погоду".
А погода, это—я.
— Что же дальше?—Я—влюбленный,
Дрожью звуковъ полоненный,
Въ брызгахъ, въ прихотяхъ Огня.
Рабъ себя, страстей свободныхъ,
Полоняникъ Чернородныхъ,
Носятъ Дьяволы меня.
Посижу—и вдругъ соскучусь,
Погляжу—совсѣмъ измучусь.
Гдѣ я? Что я? Запою.
Все по новому о старомъ.
Все бы дальше, все бы къ чарамъ,
Вѣю, рѣю, вѣю, вью.

XII.

МАКЪ.

Кто маки срываетъ,
Тотъ громъ вызываетъ,
Въ Брабантѣ сказали мнѣ такъ.
И вотъ почему я
Весь вздрогну, ликуя,
Дрожу, запримѣтивши макъ.

XIII.

ДВѢ РѢЧИ.

Есть обиходная рѣчь,
Это—слова,
Которыми жизнь въ ежедневномъ теченьи жива.
А для единственныхъ встрѣчъ
Двухъ озарившихся душъ, или тѣлъ,
Есть и другая, напѣвная рѣчь.
Вѣтеръ ее намъ однажды пропѣлъ,
Видя въ лѣсу,
Между травъ,
Какъ въ просвѣтленности нѣжныхъ забавъ
Любовь цѣловала красу,
Вѣтеръ ее прихотливо пропѣлъ,
И закружился, и прочь улетѣлъ.
Въ этотъ же часъ
Садъ былъ отъ яблонь влюбляюще-бѣлъ,
И по Землѣ, въ отдаленный предѣлъ
Сказка любви понеслась,
Въ трепетѣ бѣлыхъ, и всякихъ цвѣтковъ,
Въ пѣніи птицъ, и людей, и громовъ.

XIV.

СТРѢЛА.

Говорятъ—полюби человѣковъ.
Хорошо. Только какъ же мнѣ быть?
Вѣдь родителей должно мнѣ чтить и любить?
Кто жъ древнѣе—Атлантовъ, Ацтековъ,
Ассиріянъ, Халдеевъ, Варяговъ, Славянъ?
Коль законъ—такъ законъ. Намъ онъ данъ.

Человѣковъ люблю—въ ипостаси ихъ древней,
Глаза были ярче у нихъ, и рѣчи напѣвнѣй,
Въ ихъ голосѣ слышался говоръ морей,
Луной серебрились ихъ струны,
О богахъ и герояхъ вѣщали имъ руны,
И клинопись имъ возвѣщала о мощи великихъ царей.
Но руны, и клинопись—стрѣлы,
Острія,
Бьющаго мѣтко, копья.
Уходите же вы, что въ желаніяхъ блѣдныхъ не смѣлы,
Человѣки, въ свои удалитесь продѣлы.
Лукъ дрожитъ. Догоню ихъ, вѣступья моя.

XV.

ПЕРЕВАЛЪ.

Справа—горы, слѣва—горы,
Справа, снизу, тамъ узоры
Задремавшихъ селъ.
Слѣва—кручи, слѣва—тучи,
Слѣва слышенъ зовъ пѣвучій,
То прорвался ключъ громучій,
И завелъ,
Мысль повелъ онъ по извивамъ,
Въ бѣгѣ срывномъ и счастливомъ
Пляшетъ онъ по склонамъ скалъ,
Вотъ запалъ,
Вотъ юркнулъ,
Въ царствѣ камня потонулъ,
Снова, ящерицей, глянулъ,
Залукавилъ, промелькнулъ,
Снова скрытности оставилъ,

Выросъ, поднялъ цѣлый гулъ,
Закурчавилъ
Гребни скалъ,
И отъ селъ,
Миновавши перевалъ,
Влѣво—влѣво онъ ушелъ,
И рокочетъ, не усталъ,
И отъ выси въ самый долъ
Свѣже-орызжущую влагу лентой свѣтлою провелъ.

XVI.

НЕБЕСНЫЙ БЫКЪ.

На золотыхъ рогахъ
Небеснаго быка,
Въ снѣжистыхъ облакахъ,
Гдѣ вѣчная рѣка,—
Въ лазури высоты,
Слились живымъ вѣнкомъ
Багряные цвѣты
Надъ сумрачнымъ быкомъ.
Возрадовался быкъ,
Возликовалъ, стеня,
Любить онъ не привыкъ
Безъ громнаго огня.
Онъ гулко возопилъ,
И прокатился громъ,
Какъ будто омутъ силъ
Взыгралъ своимъ жерломъ.
Прорвались облака,
Небесный глянулъ лучъ,
Три сотни для быка
Коровъ стоятъ вокругъ.

И въ праздникѣ огня
До каждой есть прыжокъ,
И каждая, стеня,
Любовный знаетъ срокъ.
И сладостенъ разрывъ
Отъ острія любви,
И много влажныхъ нивъ
Въ заоблачной крови.
А къ вечеру вдали
Зажглась въ выси звѣзда.
И на ночлегъ пошли
Небесныя стада.

XVII.

ВѢДОГОНЬ.

У каждаго есть вѣдогонь.
Когда ты заснешь, онъ встаетъ,
Въ крылахъ его дышетъ полетъ,
Осмотрится, дунетъ, идетъ,
Окрѣпъ, улетаетъ, не тронь.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ.
И разный намъ видится сонъ.
Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
Но мы это видимъ, а онъ,
И тонемъ мы съ нимъ въ вышинѣ.

Вотъ вѣтеръ бѣжитъ по цвѣтамъ.
Красивый съ красивой, ихъ два,
Безсмертная сказка жива.
Цѣлуетъ. И дышетъ трава.
Заснувшимъ такъ сладко устамъ.

Вотъ ссора, чудовищный видъ.
Съ ножомъ вѣдогони, бѣда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснулъ навсегда.
Смотри. Вѣдогонь твой убитъ.

XVIII.

ЕДИНО-РАЗНЫЙ.

Мы вносимы
Въ свѣты, въ дымы,
Мы крутимы
Безъ конца.
Въ свѣтозарный
Громъ ударный,
Въ мракъ сердецъ и въ свѣтъ лица.

Но покуда
Есть Іуда,
Есть и чудо
Для людей.
Свѣтлый мститель,
Искупитель
Омрачающихъ страстей.

И покуда
Намъ отсюда
Изумруда
Свѣтитъ свѣтъ,
Мчитъ насъ бѣлый
Богъ—въ предѣлы
Красныхъ солнцъ и всѣхъ планетъ.

XIX.

СЕМЬ.

Изъ дыханья—камень красный,
Изъ воздушнаго—ужасный
По громоздкости безстрастной.

А изъ камня, изъ забвенья,
Изъ земли, отяжелѣнья—
Изумрудное растенье.

Изъ растенья, изъ ночлега
Тайно-жаркого побѣга—
Звѣрь, взглянуть—такъ это нѣга.

А изъ звѣря, всталъ изъ звѣря,—
То богатство, иль потеря,—
Человѣкъ, всебожность мѣря.

Изъ него, изъ человѣка,—
То сплачъ, или калѣка,—
Богъ ростетъ въ вѣка изъ вѣка.

Богъ встаетъ, за богомъ боги,
Безконечныя дороги,
Многи мраки, звѣзды многи.

Это—шесть, но семь—священно,
Выше бога, неизмѣнно,
Что на Вѣчномъ—въ мигѣ пѣнно.

XX.

ВСЕБОЖІЕ.

Въ водахъ есть рыбы,—и боги есть рыбъ.
Въ воздухѣ птицы,—есть боги крылаты.
Въ травахъ свернулась змѣя вперегибъ,—
Вѣщій есть Змѣй, богъ любви, хоть проклятый.
Боги лѣсные—какъ волки глядятъ,
Боги ночные—какъ враны.
Боги дневные—какъ солнечный взглядъ,
Боги безчасья—слѣпые туманы.
Люди всегда о богахъ говорятъ,
Имъ отдаютъ всѣ несчетныя страны.
Сами богами надъ Міромъ мы здѣсь
Будемъ,—онъ нашъ будетъ весь!

XXI.

ВЫЗОВЪ.

Брящать на кимвалахъ—умершихъ религій,
Вериги носить—отошедшихъ вѣковъ,
И вѣчно быть въ буквѣ, и вѣчно быть въ книгѣ,—
Довольно. Я въ бунтѣ. Довольно оковъ.
Я только оставлю, тамъ въ сердцѣ лелѣя,
Зелено-Перистаго Змѣя себѣ,
Волшебнаго Фея, цвѣтистаго Змѣя,—
И вызовъ бросаю Судьбѣ!

XXII.

ПѢСНИ БѢСОВСКІЯ.

Шѣсни бѣсовскія, пѣсни пріязныя,
Мысли мірскія, плескапья, плясанія,
Были вы прокляты, звѣзды алмазныя,
Подслѣповатость гнала васъ въ изгнаніе!
Гнали васъ, пляски Весны хороводныя,
Вотъ и загнали въ лѣса изумрудные,
Любо скликаться вамъ, птицы свободныя,
Сколь вы пролѣстныя, сколь многочудныя!

XXIII.

ДЖЭЛАЛЬЭДДИНЪ РУМИ.

Тотъ, кто знаетъ силу пляски,
Въ томъ, какъ въ вихрѣ, свѣтитъ Богъ,
Ибо смерть онъ знаетъ въ ласкѣ.
Алла—гу!

Въ дальнемъ, въ близкомъ, въ вышнемъ, въ низкомъ,
Въ мигѣ Вѣчность, въ бурѣ вздохъ,
Знаетъ онъ любви смертельность.
Алла—гу!

1907. Золотой Сентябрь. Зеленый Океанъ.
Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

КРАДУЩЕЕСЯ ЗАВТРА.

Посвящаю мое видѣніе безсмертной памяти провидца нашихъ дней, Словацкаго.

Tu król, co jękiem harf zwyciężyć mniema
I głośniej grać... niż mrący ludzie jęczą.
Słowacki.

1. БАЮ.

Я только зналъ, въ тѣ дни, въ тѣ дни единственные,
Когда былъ юнъ, я зналъ лишь звоны струнъ,
Лишь орлій крикъ, огни, и сны таинственные,
Поцѣловать, и вбросить въ девять лунъ.
Найдя цвѣтокъ, сорвать его съ медлительностью,
Чтобъ взять слегка съ цвѣтка цвѣточный сокъ,
И вдругъ уйти, плѣнивши ослѣпительностью,
Чтобъ жилъ въ другомъ намекъ, всегда намекъ.
И въ чемъ была та сила-чаровательница,
Что мнѣ дала такой извѣдать путь?
Не знаю, нѣтъ. Привѣтъ тебѣ, ласкательница,
Ты пѣла мнѣ: Заставь ихъ всѣхъ уснуть.
Баюкалъ я своими колыбельностями,
Качалъ мечту, качели хороши.
Изъ грёзы — жизнь, съ обрывками и съ цѣльностями,
„Баю“ любви, къ душѣ „баю“ души.

2. ЭТО БЫЛО.

... Это было, это было, и не будетъ вновь,
Потому что только Сила говоритъ: „Мой часъ готовъ!“
Потому что даже дѣти — дѣтства лишены,
И въ войну играютъ въ дѣтской, слыша рѣзкій свистъ Войны.
Все, что было затаенно, вылилось вдругъ,
Гнойность злобъ, обидъ, и гнета, расширяющійся кругъ.
Тамъ, во- внѣ, готовятъ пушки, шепчется лиддитъ,
Здѣсь, подъ тѣнью перекладинъ пляшетъ пляску динамитъ.
Обезумѣвшіе братья — злѣйшіе враги.
Револьверъ, кинжалъ, и петля. Мсти за месть. И грабь. И жги.
О, безумны тѣ, что шутятъ силою Огня.
Бойтесь жизни больше казни, разъ убійство шутка дня.
Подождите! Бой неравенъ. Пресѣките пить.
Лучше быть сто разъ убитымъ, чѣмъ хоть разъ однимъ убить.
Подождите! Претерпите пытку до конца.
Я клянусь вамъ: будетъ праздникъ Озареннаго Лица.
Но въ то время какъ я спорю съ вихрями временъ,
Отъ разстрѣловъ и пожаровъ сталъ весь красный небосклонъ.
И въ то время какъ на нивѣ въ макахъ вся межа,
Мальчикъ мой принесъ изъ дѣтской два блестящіе ножа.

3. ПѢСНЯ ОРЛИНАЯ.

Я долго медлилъ и внималъ
Напѣвамъ вышняго орла.
Луна была какъ бы опалъ,
Ликъ Солнца былъ воздушно-алъ,
Какъ будто кровью истекалъ,
И кровь ужъ блѣдною была.

То не былъ день. Ни день, ни ночь.
Я былъ на бархатномъ лугу.
О, пой, орелъ! Пророчь, пророчь!
Пропой: Все было такъ точь въ точь,
Въ вѣка умчавшіеся прочь,
На Сумерійскомъ берегу.

На многобожномъ берегу,
Въ затонѣ странъ, въ рѣкѣ времонъ,
Гдѣ врагъ былъ волчьи радъ врагу,
И пѣлъ кроваво: „Все могу!“
И кедры высей гнулъ въ дугу,
Чтобъ былъ отстроенъ Вавилонъ.

Смотри, орелъ, мы тоже здѣсь
Воздвигли тридцать этажей.
Мы Шаръ Земной сковали весь,
У вышнихъ тучъ мы сбили спѣсь,
Надъ Шаромъ шаръ пустили днесь,
Превыше свиста всѣхъ стрижей.

Смотри, достигнемъ и тебя,
Орелъ пѣвучій и сѣдой.
Воздушный флотъ идетъ, губя
Тѣхъ, кто въ лелѣяньи себя
Слабѣе насъ. Гляди: дробя,
Мы взрывъ бросаемъ золотой.

Кто смѣлъ возстать на наше Мы,
И наше обмежить Хочу?
Внизу тамъ были воинствъ тьмы,
Но мы прошли быстрѣй Чумы,
Изъ нашей облачной сумы
Имъ выславъ пламя — саранчу.

Надъ Шаромъ — шаръ. Весь Шаръ земной
Единой Волѣ подчиненъ.
Еще немного, и съ Луной
Мы многоцвѣтной пеленой
Сплетемся въ шаръ одинъ, двойной,
И дальше, въ Звѣздный Небосклонъ!

Такъ вѣлъ я, клекоту внемля,
Что раздавался съ высоты.
Вдругъ, словно якорь съ корабля,
Орелъ упалъ. И вольно, для
Полетъ, паритъ — и гдѣ Земля!
Я съ нимъ. — Ну, что-же, видишь ты?

Я видѣлъ. Чѣмъ я дальше плылъ,
Тѣмъ больше таялъ кругъ Земли,
Земля была среди свѣтилъ
Какъ бы кадило межъ кадилъ,
Межъ точекъ точка, свѣтъ могилъ,
Земныя Чары всѣ ушли.

Но, удаляясь отъ Земли,
Я не приблизился къ Лунѣ,
И Звѣзды Неба шли и шли,
Звѣзда къ звѣздѣ, стада вдали,
Въ снѣжисто-блещущей пыли,
Въ недосягаемомъ Огнѣ.

И вдругъ я вскрикнулъ въ звѣздной мглѣ,
И вдругъ упалъ орелъ сѣдой.
Я былъ въ воздушномъ кораблѣ, —
Лежу разбитый на Землѣ.
Орлиный духъ познавъ въ Орлѣ,
Кому-жь скажу я: „Пѣсню спой!“

4. КОМЕТА.

По яйцевидному пути
Летитъ могучая комета.
О чемъ хлопочетъ пляской свѣта?
Что нужно въ мірѣ ей найти?

Рисуетъ вытянутый кругъ,
Свершаетъ эллипсъ трехгодичный,
И вновь придетъ стезей обычной,
Но опрокинется на Югъ.

Она встаетъ ужь много лѣтъ,
Свой путь уклончивый проводитъ,
Изъ неизвѣстнаго приходитъ,
И вновь ея надолго нѣтъ.

Какъ слабый ликъ туманныхъ звѣздъ,
Она въ началѣ появленья —
Всего лишь дымное виднѣнье,
Въ ней нѣтъ ядра, чуть тлѣетъ хвостъ.

Но ближе къ Солнцу, — и не та,
Ужь ликъ горитъ, ужь свѣтъ не дробенъ,
И милліоны верстъ способенъ
Тянуться грозный слѣдъ хвоста.

Густѣетъ яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета свѣтится сердито,
Сплошной пожаръ — ея нутро.

Сопротивляется зефиръ
Ея крылатости въ пространствѣ,
Но Солнце въ огненномъ убранствѣ
Къ себѣ зоветъ ее на пиръ.

Къ себѣ зоветъ ее, прядетъ
Вселенски-свѣтлыя дороги,
И луны, въ страсти — кругороги,
Ведутъ вѣнчальный хороводъ.

Верховная пылаетъ даль,
Все уменьшается орбита.
Въ Жаръ-Птицу Ночи — воля влита
Все уже скручивать спираль.

Полъ-Неба обнялъ рдяный хвостъ,
Еще произенья и червонца,
И взрывность рухнется на Солнце,
Средь ужасающихся звѣздъ.

1908. Ночи Зимнія.
Беркендаль.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

Псаломъ Безмолвія свершается сюрпа,
Горитъ закатами пустыня ледяная.
Развѣвшаяся ширь запрезвившихъ стихій,
Безгласность ясная Полярныхъ Литургій.

Надъ моремъ Бѣлизны багряная завѣса,
Здѣсь царство хрусталей, здѣсь нѣтъ полей и лѣса.
Рядъ бѣлыхъ алтарей, глядящихъ въ Небо, льдовъ,
Всходящая мольба, безъ просьбъ, Псаломъ, безъ словъ.

ВЪ БѢЛОЙ СТРАНѢ.

Небо, и снѣгъ, и Луна,
Самая хижина—снѣгъ.
Вѣчность въ минутѣ—одна,
Не различается бѣгъ.

Тамъ въ отдаленіи ледъ,
Цѣлый застылъ Океанъ.
Дней отмѣчать-ли мнѣ счетъ?
Въ дняхъ не почиой-ли туманъ?

Ночь, это—блѣдная сѣнь,
День—запоздавшая ночь.
Скрылся послѣдній олень,
Дьяволъ умчалъ его прочь.

Впрочемъ, о чемъ это я?
Много въ запасѣ ѣды.
Трапеза трижды моя
Между звѣзды и звѣзды.

Слушай, какъ воетъ пурга,
Ѣшь въ троекратности жиръ,
Жди, не идетъ-ли цынга,
Вотъ завершенный твой міръ.

Жирнаго плотно поѣвъ,
Снѣгомъ очисти свой ротъ.
Новаго снѣга посѣвъ
Съ бѣлою тучей идетъ.

Вызвать на бой мнѣ пургу?
Выйти до области льдовъ?
Крѣпко зажавъ острогу,
Ждать толстолапыхъ враговъ?

Въ бѣлой холодной странѣ
Бѣлый огромный медвѣдь.
Мѣсяцъ горитъ въ вышинѣ,
Круглая мертвая мѣдь.

Вотъ, я памѣтилъ врага,
Вотъ, онъ лежитъ предо мной,
Мечъ мой въ ночи—острога,
Путь мой означенъ—луной.

Шкуру съ медвѣдя сорву!
Все же не будетъ теплѣй.
Съ звѣремъ я звѣремъ живу,
Сытой утробой моей.

Вотъ, возвращусь я сейчасъ
Въ тѣсную душность юрты.
Словно покойника глазъ
Мѣсяцъ глядитъ съ высоты.

Стала потише пурга,
Все жь заметаетъ мой слѣдъ.
Тонетъ въ пушинкахъ нога,
Въ этомъ мнѣ радости нѣтъ.

Впрочемъ, кому же слѣды
Въ этой пустынѣ искать?
Снѣгъ, и пространство, и льды,
Снѣжная льдяная гладь.

Я безпредѣльно одинъ,
Тонутъ слова на лету.
Жди умноженія льдинъ,
Дьяволы смотрятъ въ юрту.

* * *

Я изъ бѣдной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣдной страны.
Лѣта нѣтъ. Нѣтъ весны.
День мой малъ.

Ты изъ пышной страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Ты изъ пышной страны.
Нѣжны чары Луны.
Свѣжи снѣжные сны.
Живъ кристалъ.

Шесть безумныхъ смертей.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Шесть безумныхъ смертей,
Шесть тридцатостей дней,
Шесть безумныхъ ночей.
Я усталъ.

Шесть негаснущихъ дней.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—

Шесть негаснущихъ дней,
Шестью тридцать огней,
Шесть костровъ, все свѣтлѣй.
Вотъ, ты алъ!

— А потомъ? Что потомъ?
— Кто сказалъ?—Я сказалъ.—
— Ты, съ горячимъ лицомъ?—
— Я, вѣщунъ. Что потомъ?—
— Смерть съ вѣнцомъ.—Смерть съ концомъ?—
Я упалъ.

* * *

Явились, вотъ, одинъ, другой,
И третій, и четвертый.
Ихъ не ударишь острогой,
Не ткнуть рукой, не пнуть ногой,
Здѣсь лишь глядѣть на мертвый рой,
Здѣсь тѣни распростерты.

Ихъ пронизая остріемъ,
Не досягнешь ни мало.
Не отступаютъ предъ мечомъ,
Они во всемъ, они ни въ чемъ,
И каждый смотритъ палачомъ,
Твердя: Конецъ—начало.

Четвертый, пятый, и шестой,
Седьмой, восьмой для круга.
Тринадцать ихъ передо мной,
Темнѣютъ, зыбясь пеленой,
Внѣ чиселъ вьются подъ Луной,
Отъ Сѣвера до Юга.

Востокъ захваченъ и Закатъ,
И верхъ и низъ—все въ мірѣ.
Вездѣ на тѣнь наткнется взглядъ,
Грозящій призрачностью Адъ,
Три измѣренья, говорятъ,
Они твердятъ—четыре.

Замкнись,—недостовѣрна дверь,
Проходятъ черезъ стѣны.
Смѣшались—завтра и теперь,
И вѣрь собѣ или не вѣрь,
Кругомъ—тысячеглазый звѣрь,
Потокъ съ мерцаньемъ пѣны.

Какой-бы маленькій предметъ
Ни всталъ передо мною,
За нимъ зловѣщій тѣнесвѣтъ,
За нимъ, предъ нимъ ползучій слѣдъ,
Безплотный духъ, что мглой одѣтъ,
И оживленъ Луною.

Замкнулся наглухо въ юртѣ,
Но ждать недолго буду.
Какой-то шопотъ въ духотѣ,
И чей-то хохотъ въ темнотѣ,
Пришли, сошлись, густѣютъ—тѣ,
Со мной, во мнѣ, повсюду.

* * *

Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ.
Снѣга. Мерцанье. Тишь.

Ищи. Хоть цѣлый день.
Глупышъ. Пингвинъ. Тюлень.

Пройди. Весь снѣгъ до льдинъ.
Тюлень. Глупышъ. Пингвинъ.

И самъ я отупѣлъ.
Слѣпитъ просторъ. Онъ бѣлъ,

И самъ я сталъ какъ звѣрь.
Всѣ дни одно—Теперь.

Гляжу, передъ собой.
Сижу, слѣпой, тупой.

Себя [illegible]зличишь.
Снѣга. Мерцанье. Тишь.

* * *

Бѣлоглазые пингвины,
Сумасшедшій птичій домъ.
Брюхомъ бѣлы, черны спины,
И какъ будто мыслятъ ртомъ.

Ужь не молятся-ли Богу,
Чтобы пищи онъ послалъ?
Нужно жь ѣсть хоть понемногу,
А животъ у нихъ немалъ.

Вверхъ поднявши клювъ прожорный,
Позабылъ летать пингвинъ,
Брюхомъ бѣлый, задомъ черный,
Растолстѣвшій господинъ.

Съ неизвѣстной мглой не споря,
Уголъ взявъ за цѣлый міръ,
Получаетъ ренту съ моря
И съ земли двойной банкиръ.

Вмѣсто крыльевъ, культи—руки,
Пища—снизу, что-жь летать.
Съ Небомъ лучше быть въ разлукѣ,
Близко, низко, тишь да гладь.

Паралитики для лета,
Отреклись въ своемъ крылѣ
Отъ небеснаго намета,
Чтобы ползать по землѣ.

На прибрежьи, въ числахъ цѣльный,
Раздаваясь въ даль и въ ширь,
Многобрюшный, многотѣльный,
Сытый птичій монастырь.

Вонъ проходятъ надъ волнами
Чернобѣлою толпой,
И культяпыми крылами
Помаваютъ предъ собой.

Вонъ, напыжившись, яруютъ.
Два и два, откинувъ лбы,
Шеи шеями цѣлуютъ,
Привставая на дыбы.

Предполярное видѣнье,
Альбатросъ наоборотъ,
Птица—земность, отупѣнье,
Птица—глупость, птица—скотъ.

* * *

— Дьяволъ, кто ты?—Вѣтеръ, Вѣтеръ.
— Что ты ищешь?—Я свищу.
— Что ты ищешь?—Долю, волю.
Вьюсь, свиваюсь, трепещу.
Возростаю въ вихрѣ свиста.
Замираю, чуть шепчу.
Медлю тамъ, гдѣ степь цвѣтиста.
Моровую язву мчу.
— Дьяволъ, Дьяволъ, для чего же
Ты цвѣты смѣшалъ съ чумой?
— Иль не все одно и то же?
Мчать что мчится—праздникъ мой.
И ужели не пригоже
Цвѣтъ цвѣтетъ разъятыхъ ранъ?
Красенъ макъ, и язва—тоже.
Я—прохожій чрезъ туманъ.
— Ты—жестокій! Дьяволъ, Дьяволъ!
— Зззить!—Качнулася Луна.—
— Стой!—Куда тамъ! Скрылся Дьяволъ.
Полночь. Сумракъ. Тишина.

* * *

Еслибъ мнѣ хотя вина,
Этой огненной воды!
Былъ бы сочкой я безъ дна
Отъ звѣзды и до звѣзды!

Я бы выпилъ за снѣга,
Разъ въ снѣгахъ мнѣ жить дано.
Я бы выпилъ за врага,
Разъ сражаться суждено.

Я бы выпилъ за себя,
Разъ родился я такой.
Винный кузовъ теребя,
Упивался бъ день деньской.

А теперь? Я пью лишь кровь,
Да густой, какъ деготь, жиръ,
Чтобъ идти за звѣремъ вновь,
Обезпечить скучный пиръ.

Я пьянѣю лишь тогда,
Какъ отъ лунной темноты
И отъ вѣтра, иногда,
Мѣрно пляшетъ дверь юрты.

И ручной пингвинъ въ тиши
Трется объ ноги мои,
И змѣиности душа
Я качаю въ забытьи.

* * *

Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скуку,
Какъ быть свѣтлымъ мнѣ въ мукѣ моей.
Я отъ Вѣтра развѣдалъ науку
Быть веселымъ въ напѣвѣ скорбей.

Запою, заведу, загуторю,
Самъ съ собой безъ конца говорю.
Не позорно-ль быть преданнымъ горю?
Можно въ сердцѣ затѣять зарю.

Всю равнину отъ края до края
Я прошелъ въ этомъ царствѣ снѣговъ.

И пѣвучія руны слагая,
Заносилъ ихъ на снѣжный покровъ

И пройдя по зеркальности синей,
Начерталъ я заклятья на льду,
Опушилъ ихъ серебряный иней,
Заманилъ въ заговоръ я звѣзду.

Проиграло мнѣ хоромъ Молчанье
Безглагольную пѣсню свою.
Изъ снѣговъ предо мной изваянья
Я въ нихъ жизнь заклинаньемъ пою.

Этимъ Мѣсяцемъ желтымъ, ущербнымъ,
Покачнувшимъ златые рога,
Сохранившимся прутикомъ вербнымъ,
Я велю вамъ: Живите, снѣга.

Оживляются странные лики,
Много созданныхъ снѣжныхъ людей.
Еслибъ было немного брусники,
Я бъ раскрасилъ въ нихъ пламя страстей.

Подожду, какъ совсѣмъ покраснѣетъ,
Предъ ущербомъ послѣднимъ, Луна.
Капли три она крови мнѣ свѣтъ,
Я ихъ вброшу, въ ихъ сердце, до дна.

* * *

Снѣжные люди устроены,
Снѣжные боги при нихъ.
Люди, какъ каста, утроены,
Богъ—дополнительный стихъ.

Мѣсяцемъ боги отмѣчены,
Кровью ущербной Луны,
Въ членахъ они изувѣчены,
Быть какъ отдѣльность должны.

Тѣ,—какъ болѣзнью слоновою
Важно распучивъ животъ,—
Съ алчностью смотрятъ суровою,
Міръ это пища имъ въ ротъ.

Тѣ, развернувъ семипалыя
Руки, по тысячѣ рукъ,
Зубы оскалили алые,—
Надо почтенья вокругъ.

Тѣ, разукрасившись блестками,—
Женская будетъ статья,—
Вмѣстѣ съ мужчинами—тезками
Славятъ восторгъ бытія.

Груди у нихъ поразвѣшаны
Вродѣ какъ будто лозы,
Взоры глядящихъ утѣшены,
Даже до нѣжной слезы.

Дальше герои вельможные,
Палица въ каждой рукѣ,
Это—столпы придорожные,
Дамбы въ великой рѣкѣ.

Если безъ нихъ, такъ разъѣдется
Влага въ чрезмѣрный разливъ,
Лобъ здѣсь у каждаго мѣдится,
Каждый охранно красивъ.

Дальше—со лбомъ убѣгающимъ,
Это совѣтники всѣ,
Взоромъ мерцаютъ мигающимъ
Въ мудрой и хитрой красѣ.

Зная, что столь предпочтителенъ
Задъ предъ невѣрнымъ крыломъ,
Ихъ хороводъ умилителенъ,
Каждый мѣшокъ здѣсь мѣшкомъ.

Дальше—фигуры медвѣжія,
Храбрости бравый оплотъ,
Кровью помазаны, свѣжія,
Сильныя, добрый народъ.

Я освятилъ ихъ заклятьями,
Кровью своей окропилъ,
Будьте здѣсь слитными братьями,
Связью устойныхъ стропилъ.

Я освятилъ ихъ напѣвами,
Кровью и птицъ и звѣрей,
Будьте какъ юноши съ дѣвами,
Въ страсти любовной своей.

Я освятилъ ихъ гаданьями,
Кровью ущербной Луны,
Будьте моими созданьями,
Будьте, хочу, вы должны.

Я прохожу въ этомъ множествѣ,
Кровью я лики кроплю,
Царствуйте здѣсь въ многобожествѣ,
Каждаго я полюблю.

Будутъ вамъ жертвы багряныя,
Алости снова и вновь,
Капли кроплю я румяныя,
Чару влагаю я въ кровь.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ?—
Я изъ бѣлой страны,
Я изъ бѣлой страны.

* * *

Прежде, видя, какъ снѣжинки
Въ воздухѣ летаютъ,
Говорилъ я: серебринки,
Говорилъ: съ цвѣтовъ пушинки,
Стаи фей летаютъ.

И конечно. Вѣдь красивы.
Ишь какъ шелушатся.
Заплетаются въ извивы,
И летятъ, какъ хлопья ивы,
Пухомъ внизъ ложатся.

Да постой. Не такъ ужь глупъ я.
Знаю тѣ алмазы.
Да, узналъ. Не такъ ужь тупъ я.
Это—кожа, это—струпья
Моровой Проказы.

Тамъ на Сѣверѣ, сѣдая,
И еще на Югѣ,
Стоитъ Проказа міровая,

И скребется, возставая,
На Полярномъ кругѣ.

Позѣваетъ, поскребется,
Налущитъ лохмотій,
Глянетъ, плюнетъ, и ругнется,
Туча на небѣ сберется,
Тутъ на поворотѣ.

На углу воротъ Полярныхъ,
Вѣдьминому сказу
Послушая, въ клубахъ парныхъ
Накопила снова угарныхъ,
Понесла заразу.

На зеленыя поляны
Дунетъ, все повянетъ.
Заморозила туманы,
Броситъ между травъ изъяны,
Мертвый узелъ стянетъ.

И посыплетъ, и засѣетъ,
Съ краю и до краю.
Цѣпенѣніе навѣетъ,
Замятелитъ, завладѣетъ,
Брежу, засыпаю.

* * *

Въ западнѣ я у врага.
Гдѣ же быть мнѣ? Здѣсь въ юртѣ?
Въ этой душной тѣснотѣ?
Или выйти на снѣга?
Какъ выходятъ на луга?

Тамъ тѣснѣе въ пустотѣ,
Въ безграничности того,
Что едино и мертво.
Я вольнѣе между стѣнъ,
Гдѣ хоть тѣни перемѣнъ,
Гдѣ хоть это для меня: —
Тихій трескъ и скокъ Огня.
На равнинѣ я мертвецъ
Въ безграничности гробницъ,
Гдѣ начало есть конецъ
Въ одноцвѣтномъ безъ границъ.
Тамъ я въ вольности — скелетъ,
Здѣсь я въ тѣсности — живой.
Мной зажженный — дышетъ свѣтъ
Въ этой кельѣ гробовой.
Только выйду, видно мнѣ,
Что со мною никого.
Здѣсь же въ жаркомъ полуснѣ
Оживаетъ вещество.
Я подушку обниму,
Я съ покрышкой говорю.
И шепчу я въ полутьму
Къ неизвѣстному, ему.
Мнѣ отраднѣй и вольнѣй
Закрывать свои глаза,
Обращаясь мыслью къ ней,
Чьи глаза какъ бирюза.
Съ непостижной говорю,
Распаляюсь и горю,
Въ тѣлѣ есть такой огонь,
Что ужь вотъ я не одинъ.
Вѣтеръ взвылъ. Ну, что-жъ, трезвонь,
Но меня въ тиши не тронь,

Здѣсь не царство дивныхъ льдинъ.
Здѣсь хоть въ грезѣ, я ловлю
Чье-то нѣжное „Люблю“,
Хоть въ гробу, но властелинъ.

* * *

Я узналъ сегодня ночью,
Что воочью, что воочью
Вещи всѣ — живыя.
Я зажегъ огонь, и думы
Думалъ, думалъ. Вѣтра шумы
Доходили до меня,
Круговые.
Я глядѣлъ на скокъ Огня.
Сине-красную онъ пляску
Начиналъ и измѣнялъ,
Взявши желтую окраску.
Зачиналъ иную сказку,
Становился снова алъ,
Въ дымъ бѣжалъ, въ сѣдые дымы,
Перемѣшивался съ ними,
Прогонялъ ихъ отъ себя,
Билъ ихъ прутьями цвѣтными,
Языками расписными,
Пламецвѣтности дробя,
Самъ собою обольщался,
Голубою клятвой клялся,
Что нельзя же не любя
Такъ неистово метаться,
Такъ несдержанно горѣть,
Былъ какъ золото, какъ мѣдь,
Фіолетово мерцая,
Начиналъ тихонько пѣть,

Вился, дымы обнимая,
Снова дыму пѣлъ: Не тронь,
Нѣтъ, не тронь, вѣдь я Огонь.
Золотился рѣже, рѣже,
Загрязнялся чаще, чаще.
И на шкурѣ я медвѣжей
Размышлялъ, что я пропащій,
Что когда-то я весной
Былъ съ любимою женой,
Проходилъ по вешней чащѣ,
Каждый листикъ былъ алмазъ,
Каждый цвѣтикъ нѣжилъ насъ,
О, я помню, какъ коснулся
Я губами нѣжныхъ губъ
Какъ невольно усмѣхнулся
Я на свѣжесть поцѣлуя,
Каждый, къ зубу льнущій, зубъ,
Каждый нѣжный бѣлый зубъ
Мнѣ любовно улыбнулся,
Жилъ въ отдѣльности ликуя,
О, я помню какъ меня
Тонкій токъ пронзилъ огня,
Какъ я сжалъ ее, и ало
Улыбалася заря,
И лѣсная тишь качала,
Безъ конца, и безъ начала,
Двухъ влюбленныхъ, въ комъ, горя,
Было счастье обниматься,
Такъ, вотъ такъ, прижать, прижаться,
Такъ, вотъ такъ... Постой, постой,
Что̀ такое, что̀ такое,
Что такое здѣсь со мной?
Я лежу въ палящемъ зноѣ

Съ изумительной женой!
На медвѣжей былъ я шкурѣ,
А теперь — въ объятьяхъ чьихъ?
Въ поцѣлуйной дикой бурѣ,
Мнѣ Огонь постъ свой стихъ,
Я въ истомности касаній,
Я цѣлую, я дрожу,
Я въ сіяньи, я въ туманѣ,
Кто со мной, не услѣжу,
Что со мной, не разскажу,
Я вступилъ въ огонь горячій,
Тѣломъ я вошелъ въ весну,
Я захлебываюсь въ плачѣ,
Въ сладкомъ хохотѣ стону,
И кругомъ, съ Огнемъ качаясь,
Расцвѣчаясь въ красотѣ,
Отраженьями встрѣчаясь,
Пляшутъ вещи всѣ въ чортѣ,
Пляшетъ утварь, пляшутъ стѣны,
Сумракъ шепчется живой,
Все въ дрожаньи перемѣны
Поцѣлуй есть тѣневой,
Къ огневому средоточью,
Словно шабашъ круговой,
Всѣхъ вещей стянулся рой.
Это видѣлъ я воочью,
Нынче ночью, нынче ночью,
И теперь ужь я — другой.

* * *

Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?
Что-то есть тамъ? Кто-то скрытъ?

Усмѣхнувшіяся губы?
Кто-то молча говоритъ?

Мнѣ подмигиваетъ. Вижу.
Осовѣлые глаза.
А! проклятый! Ненавижу!
Тощій дьяволъ и коза.

Закрившившаяся морда,
Полусломаны рога.
А при этомъ смотритъ гордо,
Словно — вотъ, молъ, съѣмъ врага.

Шевельнулъ я краемъ шубы.
Надоѣло. Уходи.
Снова тутъ. Оскалилъ зубы.
Хвостъ означилъ позади.

Ну, чего ты? Говори же.
Разъ пришелъ, такъ для чего?
Ухмыльнулся. Смотритъ ближе.
Видно, хочетъ своего.

А чего, ему извѣстно.
Вправо, влѣво онъ мигнулъ.
Встали тѣни, такъ, что тѣсно.
Въ головѣ, какъ въ ульѣ, гулъ.

Расползлись, какъ черви, лики,
Копошатся и глядятъ.
Хоть ручные, все же дики,
И косятъ невѣрный взглядъ.

Полузвѣри, полурыбы,
Птицезмѣи, жадный ротъ.
Дивныхъ странъ живыя глыбы,
И на нихъ бѣсовскій скотъ.

Диво — пастбище видѣній
Распаленнаго ума.
Кто вы, тѣни? Что вы, тѣни?
Ваша матерь — Смерть сама?

Лугъ вашъ — духъ умалишенный?
Тощій Дьяволъ — вашъ пастухъ?
Язвы памяти безсонной,
Саранчою полный слухъ!

* * *

Вновь ушелъ, и вновь пришелъ.
Чей же это произволъ
Гонитъ внутрь, и прочь, во внѣ,
И велитъ кружиться мнѣ?

Тамъ въ клѣти—ручной медвѣдь,
Здѣсь въ юртѣ—ручной пингвинъ.
Что же, пѣсню имъ пропѣть:
Сжальтесь, звѣри, я одинъ?

Тутъ еще — ручной тюлень.
Что ли, съ нимъ поговорить?
Я, молъ, видывалъ сирень,
Я умѣю нектаръ пить.

Тоже былъ, молъ, кое-гдѣ,
Тоже я не кто-нибудь,

Обратя свой взоръ—къ звѣздѣ,
Начиналъ свой дальній путь.

А не выгорѣло, — что-жь,
Приходи сюда другой.
Посмотрю я, какъ пойдешь
По безбрежности морской.

Посмотрю я, какъ дойдешь
До величья бѣлыхъ льдинъ,
Какъ мечта увидитъ ложь
Ею тканыхъ паутинъ.

Это Полюсъ? Можетъ, да.
А быть можетъ, что и нѣтъ.
Полюсъ нашъ въ душѣ всегда,
Въ первозданности примѣтъ.

Вотъ примѣта: Поцѣлуй.
Вотъ примѣта: Вздохъ—люблю.
Вотъ примѣта: Взрывность струй.
Зовъ русалки: Утоплю.

Вотъ примѣта: Долгій взглядъ.
Сердце къ сердцу. Полюсъ — здѣсь.
Ты-же шелъ — всегда назадъ,
Проходя просторъ свой весь.

Ты лишь думалъ, что впередъ
Уходилъ и уходилъ.
И ушелъ. Въ безцѣльномъ. Вотъ.
Въ безглагольности свѣтилъ.

* * *

Какая ночь! Всѣ звѣзды. Полны числа.
Узоры думъ, что мыслятся не здѣсь.
Качается златое коромысло,
И влагой звѣздной міръ обрызганъ весь.

Въ сіяньи свѣчъ, округлую равнину
Повсюду куполъ ночи обступилъ,
Въ раскинутомъ величіи я стыну,
О, атомъ пытки въ торжествѣ свѣтилъ.

* * *

Я вспомнилъ что-то изъ того,
Что было нѣкогда моимъ,
Теперь же — призракъ, ничего,
Отшедшій звукъ, ушедшій дымъ.

Я былъ у моего окна,
Въ какомъ-то сладостномъ бреду,
А голубая вышина
Зажгла Вечернюю Звѣзду.

И вдругъ я понялъ, что звено
Есть между вышнею и мной,
Что темный съ свѣтлой есть одно,
Что я земной и неземной.

И такъ душа была жива,
Какъ въ Маѣ пляска свѣтлыхъ дѣвъ,
Душой — въ одно сліявши два,
Я пѣлъ вселенскій свой напѣвъ.

* * *

Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда.
[Она же Утренняя].
Вокругъ меня шумятъ ночные города.
[Они же утренніе].
Въ моей душѣ навѣкъ слились и Нѣтъ и Да.
[И Да и Нѣтъ — ихъ нѣтъ].

Въ моей груди дрожитъ благоговѣйный вздохъ.
[Въ немъ и проклятіе].
Вокругъ моихъ гробницъ сѣдой и цѣпкій мохъ.
[Онъ и съ расцвѣтами].
Со мною говорятъ и Сатана и Богъ.
[Ихъ двое, я одинъ].

* * *

О, паденье росы, при рожденіи дня,
Вѣтромъ навѣянное!
Даръ дивящихся травъ, добровольная дань,
Ночью надуманная!

О, паденье дождя, на продольность долинъ,
Облакомъ свѣянное!
О, рожденіе слезъ, въ день единый изъ дней,
Вѣдѣнье свидѣвшихся!

* * *

Зачѣмъ, звено съ звеномъ свивая,
Сюда спустился свѣтлый сонъ,
Звуча зурной, струной, свирѣлью,
Струя струю свѣтлѣй зари?

Свѣвая сказки сонныхъ листьевъ,
И въ свисты свѣжій вѣтеръ вливъ,
Зачѣмъ влагаетъ въ слухъ — ихъ слитность,
Зачѣмъ зоветъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

За слоемъ слой снѣга въ подлунной,
Пришла весна, весна ушла,
Зачѣмъ же свѣтлый звонъ свирѣли,
Весло въ волнѣ зачѣмъ, зачѣмъ?

Шутя, блестя, шурша, какъ шалость,
Зачѣмъ тотъ шопотъ — шелкъ пришелъ,
Свирѣли счастья въ саркофагѣ
Зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

* * *

Гдѣ же я?
Гдѣ же я?
Вѣетъ, сѣетъ Небо снѣгъ.
Гдѣ же я?

Еслибъ плыть.
Еслибъ плыть!
Можно бъ встрѣтить тихій брегъ,
Еслибъ плыть!

Я въ цѣпяхъ.
Я въ цѣпяхъ!
Тѣло бѣло, мысли ледъ.
Я въ цѣпяхъ.

Не привстать.
Не привстать!

Не стряхнуть мертвящій гнетъ.
Не привстать!

Время нѣтъ.
Время нѣтъ!
Время было и прошло!
Время нѣтъ.

Бѣлый свѣтъ.
Бѣлый свѣтъ.
Гдѣ же я? Дрожитъ крыло!
Бѣлый свѣтъ!

* * *

Не могу я быть въ юртѣ,
Не могу ужь, не могу.
Захлебнулся я въ мечтѣ,
Эти мысли, тѣ, и тѣ,
Вѣчно мысли стерегу.
Быть въ измысленной чертѣ
Не могу ужь, не могу.

Не могу въ юртѣ я быть,
Зрячій филинъ — и слѣпой.
Самого себя любить,
Душу въ малости дробить,
Чтобъ себя же обступить
Все собой, самимъ собой.

Въ Бѣлый Міръ пойду теперь,
Бѣлый Адъ хочу избыть,
Распахну я настежь дверь,
Быть съ собою — то не быть.

Бѣлый Міръ, вступаю въ бой,
Съ Бѣлымъ Дьяволомъ, съ тобой.
Бѣлой Смерти я вкусилъ,
Столько, столько, что не счесть.
И вкушу еще, до тла.
Вотъ, ты есть и ты не есть,
Ты скорѣе лишь была.

Не считая капель силъ,
И глядя на токъ свѣтилъ,
Я узоръ мечты плету,
Я бросаю свой уютъ,
Зажигаю я юрту,
Языки Огня поютъ.
Бѣлый Міръ, въ послѣдній бой
Выхожу теперь — съ тобой,
Ты не сможешь побѣдить,
И въ тебѣ найду я нить
Въ сказку Жизни Голубой.

* * *

А воистину-ли тамъ,
Гдѣ обрубленъ ледъ водой,
А воистину-ли тамъ
Праздникъ жизни золотой?

Не приснилось-ли мечтѣ,
Что когда-то былъ я тамъ?
Не приснилось-ли мечтѣ,
Рай и Ева и Адамъ?

Это вымыслы мои,
Чтобы спрятать круглый путь?

Это вымыслы мои,
Чтобъ въ снѣгахъ не потонуть?

Это хитрость продъ собой,
Не скружиться на кругу?
Это хитрость предъ собой,
Жить хоть какъ-нибудь въ снѣгу?

А коль я наоборотъ,
Или тотъ-же вѣчный кругъ?
А коль я наоборотъ,
Или вѣчно я самъ-другъ?

А коль я на перебѣгъ,
Не достигну-ль я себя?
А коль я на перебѣгъ,
Или тотъ-же вѣчный снѣгъ?

А коль я направо — такъ —?
Что-то спуталось во мнѣ.
А коль я налѣво — такъ —?
Всѣ тропинки я смѣшалъ.

Снова впрямь на перебѣгъ,
Тамъ, быть можетъ, новый путь?
Снова впрямь на перебѣгъ,
Есть тутъ лодъ, не только снѣгъ.

Ну, а если я пойду
Безъ оглядки вдаль по льду?
Ну, а если все впередъ,
Можетъ, что-нибудь найду?

Вплоть до синей до воды
Если я пройду всѣ льды?
Ой, какъ скользко! Гладкій ледъ!
Нѣтъ ни смерти, ни бѣды.

Вплоть до влаги я дойду,
Къ синей влагѣ припаду.
Что тамъ? Лишь не снѣгъ, не ледъ!
Что-нибудь, но тамъ найду!

* * *

Вызвѣздило. Мѣсяцъ въ дымкѣ скрытъ.
Спряталъ онъ во мглѣ свои рога.
Сумрачно. Но блѣдный снѣгъ горитъ.
Внутреннимъ огнемъ горятъ снѣга.

Въ призрачности бѣлой я слѣжу,
Сколько ихъ, тѣхъ звѣздныхъ паутинъ.
Какъ бы сплесть изъ нихъ мнѣ мережу?
Въ Вѣчномъ я. Одинъ, одинъ, одинъ.

* * *

Я изъ бѣлой страны.
— Кто сказалъ? Кто сказалъ? —
Я изъ бѣлой страны.
На иную межу.
Я изъ бѣлой страны
Ухожу.

* * *

Морской леопардъ — онъ не тронулъ меня,
Полярный медвѣдь — онъ не тронулъ меня,
Лежали моржи и глядѣли,
И словно сосульки застывшей мятели
Бѣлѣли у нихъ клыки.

Тюлени толпами — прощайте навѣкъ,
Прощайте пингвины, отродье калѣкъ,
Уходитъ, уходитъ отъ васъ человѣкъ,
Уходитъ.

Вверху огоньки, и внизу огоньки,
Вверху звѣздомлечность Великой Рѣки
Узорныя волны проводитъ.
И всполохи встали въ цвѣтистомъ броду,
Сгораютъ.
А тутъ, на звенящемъ и призрачномъ льду,
Отвѣтныя звѣзды играютъ.
Свершилось. Звѣзду увидала звѣзда.
На льды голубая заходитъ вода.
Иду!

1908. Ночи Зимнія. Бѣлое Утро.
Долина Березъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Бѣлый лебедь.

Стр.

Вѣлый лебедь 5

2. Тринадцать лунъ.

Январь 15
Февраль 16
Мартъ 17
Апрѣль 18
Май 20
Іюнь 22
Іюль 24
Августъ 25
Сентябрь 26
Октябрь 28
Ноябрь 30
Декабрь 31
Тринадцатый 32

3. Майя.

Играть 37
Египетъ 37
Оахака 38
Цвѣтокъ цвѣтку 39
Пѣснь звѣзды 40
Ландыши 41
Лишь Богъ 42
Для чего? 43
Люблю тебя 43
Струнность 43
Разсвѣтъ 44
Ау 45
Майя 46

4. Голубая птица.

Стр.

Голубая птица 49
Идуна 49
Левъ 50
Вѣнчанные 51
Семикъ 53
Тѣло играетъ 53
Царь-Дѣвица 54
Цвѣтъ ночной 55
Лунный камень 56
Мазурка 56
Всеавѣдность 57
По блѣдной долинѣ 57
Цари сіянья 58
Одиночество 58
Птица 59

5. Пляска зноя.

Овъ 63
Мѣсто мое 63
По морскому 64
Минутка 64
Атомъ 65
Отъ атома 65
Атомы Времени 66
Начертанія 67
Огненная [illegible]ва 67
Сухой Перунъ 68
Полопяшникъ 68
Макъ 69
Двѣ рѣчи 70
Стрѣла 70
Перевалъ 71
Небесный быкъ 72
Вѣдогонь 73
Едино-Разный 74
Семь 75
Всеблажіе 76

Вызовъ. 76
Пѣсни бѣсовскія. 77
Джэлальэддинъ Руми. 77

6. Крадущееся завтра.

Крадущееся завтра. 81

7. Въ бѣлой странѣ.

Псаломъ Безмолвія. 89
Небо, и снѣгъ, и Луна. 91
Я изъ бѣдной страны 93
Явились, вотъ. 94
Тюлень. Пингвинъ. Глупышъ 95
Бѣлоглазые пингвины. 96
Дьяволъ, кто ты?. 98
Если бъ мнѣ хотя вина 98
Я нашелъ, какъ развѣять мнѣ скуку. 99
Снѣжные люди. 100
Я изъ бѣлой страны. 103
Снѣжинки. 103
Въ западнѣ я у врага. 104
Я узналъ сегодня ночью. 106
Что тамъ въ складкахъ волчьей шубы?. 108
Вновь ушелъ, и вновь пришелъ 110
Какая ночь. Всѣ звѣзды. Полны числа. 112
Я вспомнилъ что-то 112
Въ мое окно глядитъ Вечерняя Звѣзда. 113
О, паденье росы, при рожденіи дня. 113
Зачѣмъ звено съ звеномъ?. 113
Гдѣ же я?. 114
Не могу я быть въ юртѣ. 115
А воистину ли?. 116
Вызвѣздило 118
Я изъ бѣлой страны. 118
Морской леопардъ—онъ не тронулъ меня. 118

КАТАЛОГЪ К-ва „СКОРПІОНЪ“.

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„СКОРПІОНЪ“

ЯНВАРЬ 1909 ГОДА.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Жатва Дня. Печатается.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1909 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданья). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ, какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV, V, VI, VIII, IX, готовятся къ печати.

Томъ VII. (Жаръ Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хоровод Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Путиі перепутья. Стихи 1892—1907 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos) М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1908 гг. (Всѣ напѣвы). Выйдетъ въ февралѣ.

Ив. Буниnъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Гимны, пѣсни, исповѣди, въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна работы Т. ванъ Риссельберга. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Верховскій. Первая книга стиховъ. М. 1908. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга [illegible] ки. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. [illegible]

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculum Specrum. Эросъ. Выйдетъ въ февралѣ.

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портр. автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1р. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. (Баллада Редингской тюрьмы). Пер. размѣромъ подлинника К. Бальмонта М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Четвертая симфонія. Кубокъ метелей. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерія Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни. XVI в. Части I и II. М. 1908. Ц. 3 р.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Разсказы. Томъ I. Печатается.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы. сказки. Печатается второе изданіе.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли.

(Романъ въ 3 ч.) и др. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова М. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.

Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый городъ", „Джіокопда", „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 коп.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Курсинскаго. Изд. 2-е. М. 1906. Ц. 60 к.

Шарль ванъ-Лерберге. Панъ. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ Лерберге. Они почуяли. M-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

12-12-72

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.10

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov